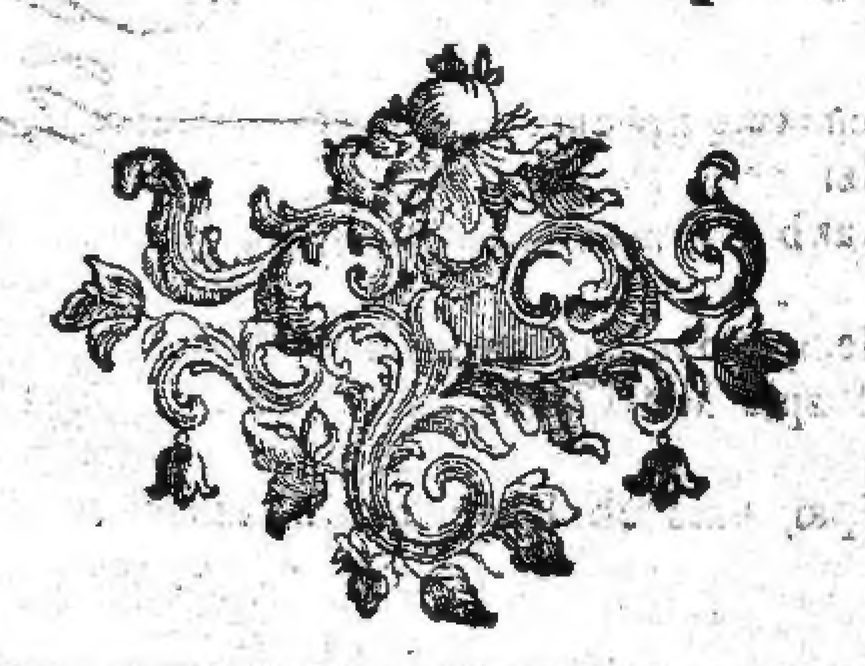
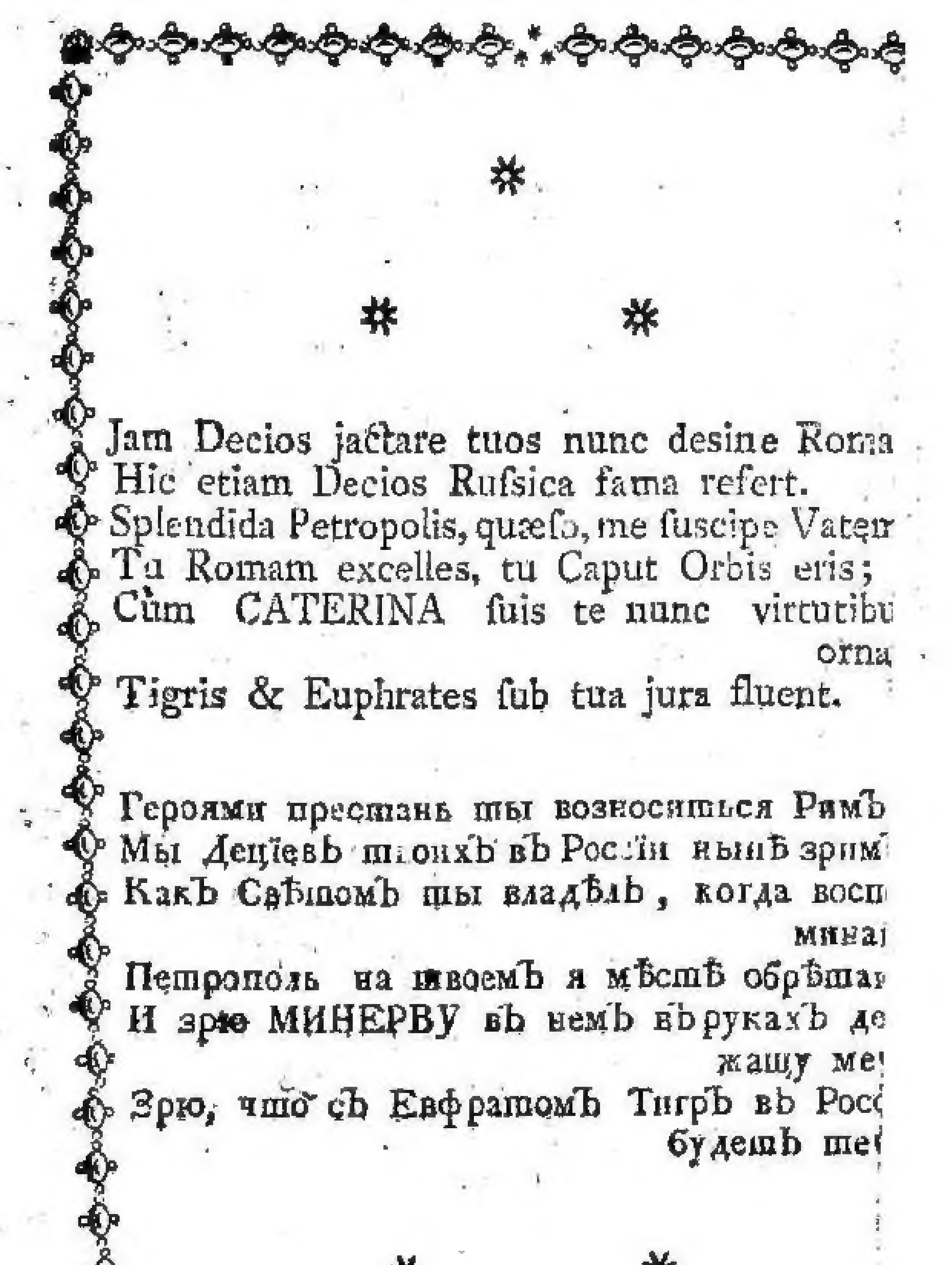
КРАТКОЕ
ОПИСАНІЕ
древнѣйшаго и новѣйшаго состоянія
Оттоманской Порты.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ Корпусѣ 1769 года.

Jam Decios jactare tuos nunc desine Roma
Hic etiam Decios Ruſsica fama refert.
Splendida Petropolis, quæſo, me ſuſcipe Vatem
Tu Romam excelles, tu Caput Orbis eris;
Cùm CATERINA ſuis te nunc virtutibu
orna
Tigris & Euphrates ſub tua jura fluent.

Героями престань ты возноситься Римъ
Мы Децїевъ твоихъ въ Россїи нынѣ зрим
Какъ Свѣтомъ ты владѣлъ, когда восп
минаї
Петрополь на твоемъ я мѣстѣ обрѣта
И зрю МИНЕРВУ въ немъ въ рукахъ де
жащу ме
Зрю, что съ Евфратомъ Тигръ въ Росс
будетъ те

украшенію ВЕЛИЧЕСТВА, къ удивленію свѣта, къ устрашенію враговъ, и къ избыточному довольству вѣрныхъ ВАШИХЪ подданныхъ. Мраморы и Порфиры воздвигнуты будутъ изъ нѣдръ земныхъ на высоту въ великолѣпныя зданія, посвящаемыя въ бесмертную ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА славу, за ВАШИ добродѣтели, за громкія дѣла и заслуги.

Металлургія какъ предводительница къ сему внутреннему богатству не обинуясь притекаетъ въ покровительство ВАШЕГО высокоматерняго попеченія, каковымъ пользуются другія науки, паче же тѣ, кои простираются къ размноженію домашнихъ достатковъ.

О семъ распространить здѣсь слово хотя требуетъ матерія; но многія

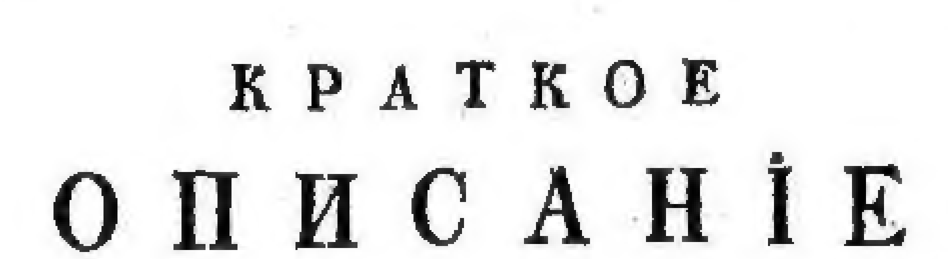
ВАШЕГО

Сїи книги [illegible] 1785 году

щастїе и храбрость Турецкаго Владѣнїя, что бы оное здѣлать хотя нѣсколько достойнымъ такой Побѣдительницы, которая, будучи преисполнена всѣхъ человѣку возможныхъ совершенствъ, владѣя толь многочисленными Народами, и управляя оными мудростїю съ любовїю соединенною, какое Могущество въ свѣтѣ повредить неможетъ?

Вашего Высокопревосходительства

Всепокорнѣйшїй слуга Ѳ. Еминъ.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ

древнѣйшаго и новѣйшаго состоянія *ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ.*

Онъ народъ Турецкій весьма темныя и почти неизвѣстныя имѣетъ начала. Иные Турковъ производятъ отъ Татаръ, не далеко отъ горы Кавказа издревле обитавшихъ; другіе отъ Пареянъ, въ щасливое своего владѣнія время, Персами и многими иными народами повелѣвавшихъ. Многіе, брега рѣки Евфрата ихъ источниками полагаютъ; а прочіе пишутъ, что нѣкоторые Скиѳскіе

народы овладѣвъ частїю Азїи, и покоривъ землю Туркистанъ называемую, здѣлались Турецкаго поколѣнїя Праотцами. *Тюркъ* слово, какъ нѣкоторые Толкователи Еврейскаго языка утверждаютъ, значитъ скитанїе; а на Турецкомъ, неопрятнаго или грубїянина; и Турки сїе имя, либо пренебреженное, или имъ неугодное, во время учтивыхъ между собою обхожденїй никогда не употребляютъ, а называются *Мусульманами*, то есть, Правовѣрными.

Въ прежнїе вѣки ни одна Монархїя послѣ Римской толь далеко своихъ не разпростерала предѣловъ, какъ Турецкая. И хотя первая владѣла такими провинцїями, которыя Туркамъ не подвластны, однако другая повелѣваетъ такими Народами, о которыхъ Римляне никакого не имѣли свѣдѣнїя. Въ три ста лѣтъ не съ большимъ овладѣли Турки двумя Имперїями, Константинопольскою и Травизонскою. Вскорѣ послѣ сего Вавилонъ, столичный древней Имперїи Халдейской городъ, принужденъ

былъ

былъ гордую свою главу наклонить подъ иго неволи. Наконецъ сорокъ почти Царствій, и множество провинцій повсюду стремящеюся ногою сего побѣдителя были попраны и покорены.

Турція съ Восточной стороны граничитъ съ частію Каспійскаго моря, съ рѣкою Тигромъ и съ Короморя, съ Королевствомъ и заливомъ Персидскимъ; однако въ сихъ мѣстахъ нѣкоторые Князья имѣютъ вольныя владѣнія. Съ западной; съ Фесскимъ въ Африкѣ владѣніемъ и съ нѣкоторыми тамъ укрѣпленными отъ Ишпанцовъ и Португальцовъ городами; въ Европѣ съ Венеціею простираясь до Рагузъ, отъ которыхъ и нынѣ получаетъ дань. Въ югѣ соединяется съ Царствомъ Адалетскимъ, съ народами Абиссинскими, съ Нумидіею, Еѳіопіею и Ливіею; а съ Чермнымъ и Индѣйскимъ морями въ Азіи. Въ сѣверной странѣ взираетъ завистнымъ окомъ на Венгрію Австрійскую. Имѣетъ въ неволѣ Волохію и Молдавію; также граничитъ съ Польскою Короною, всегда желая оную держать

 подъ

подъ самовластною своею опекою: съ рѣкою Дономъ, съ Крымскими ей подвластными Татарами, и съ Меотическимъ моремъ.

Въ Европѣ часть Трансильваніи, Кроаціи, Венгріи и Далмаціи; вся Молдавія, Волохія, Босня, старая Сербія, Булгарія, Крымскіе Татаре, Греція съ Акаїею, Пелопонесъ, Эпиръ, Македонія, Ѳессалія, Ѳракія, Архипелагъ со всѣми островами, къ которымъ и Кандія присоединена, ей повинуются. Въ Африкѣ владѣетъ она Алжирскимъ, Трепсанскимъ, Тунискимъ, Капуанскимъ, Жербскимъ Королевствами и многими иными провинціями, городами и селеніями. Повелѣваетъ Циренаикѣ, Мармарикѣ, Египту, и имѣетъ владѣнія во всѣхъ трехъ Арабіяхъ. Въ Азіи, древнія Королевства, Понтское, Виѳинское, Фригійское, Миссійское, Іонское, Карійское, Лидійское, Ликїйское, Галатейское, Пафлагонское, Памфильское, Ликонское, Кападоцкое, Киликійское, и Армянское меньшее, ей подвластны. Сирію, Самагеву, Селесирію, Сирію

Да-

Дамаскинскую, Финикію, Палестину, Іюдею, Галилею, Самарію, Идумею, Итурію, Траконитиду, и многія иныя провинціи, которыхъ въ одномъ Царствѣ Египетскомъ щитается до двадцати четырехъ, имѣетъ въ своемъ подданствѣ. Толь сильная Монархія, толь многими Королевствами и Провинціями владѣющая, толь неизчисленными Народами повелѣвающая, славнымъ ЕКАТЕРИНЫ оружіемъ нынѣ приведена въ ужасъ, и гордый Султанъ на Тронѣ изъ множественныхъ Царствъ воздвиженномъ, трепещетъ и изчисляетъ свои утраты. Но скоро, ежели не прибѣгнетъ къ ЕЯ человѣколюбію, столько можетъ статься, будетъ числить надъ войсками своими побѣдъ, сколько имѣетъ во своемъ владѣніи Царствій, Провинцій и Городовъ.

Народъ Турецкій суровъ и гордъ. Въ щастіи неумѣренный и величавъ; въ злоключеніи низокъ, но безъ подлости. Турки полагаются на многолюдство на всѣ предпріятія отважное безъ постоянства, и наполненное

исное смѣлостїю безъ разума и искусства. Начальники Турецкихъ войскъ часто имѣютъ Геройскїя сердца, такъ что о жизни никакого не имѣютъ попеченїя. Смерть встрѣчаютъ безъ робости. Таковыхъ золото способнѣе, нежели оружїе побѣждаетъ.

Лучшїе и къ дѣланїю добра склоннѣйшїе Турецкїе жители суть, рожденные въ Турецкомъ законѣ Турки, а хуждшїе и злобнѣйшїе Жиды и Перекрести. Всѣ Турки носятъ обыкновенно платье длинное, и смѣются уборамъ изъ разнообразныхъ кусковъ зделаннымъ.

Первый корень сего огромнаго древа, которое раскинувъ свои вѣтви покрыло нѣсколько Хрїстїянскихъ Владѣнїй, насадилъ, какъ всѣмъ извѣстно, Магометъ. Онъ рожденъ отъ отца Абдуллы, и матери Исмїи идолопоклонниковъ, въ Мекѣ обитавшихъ. По смерти своихъ родителей, получа въ наслѣдїе бѣдность, вступилъ онъ въ службу нѣкотораго купца, который примѣтя въ немъ качества

ства здороваго и ко всѣмъ трудамъ способнаго человѣка, пожаловалъ его въ пастухи своихъ верблюдовъ; потомъ здѣлалъ его своимъ прикащикомъ, и онъ странствуя въ Египетъ съ товарами своего Господина, которые и нынѣ на верблюдахъ, или на мулахъ туда изъ разныхъ сторонъ привозятся, обучился разнымъ языкамъ, и присмотрѣлся разнымъ обычаямъ Народовъ, продавая товары Жидамъ и разнаго рода Христїянамъ; на конецъ познакомился съ Монахомъ Сергїемъ, убѣжавшимъ изъ Палерма съ нѣкоторою Монахинею въ Египетъ. Сей Монахъ, какъ разумный для самаго себя человѣкъ, посовѣтовалъ Магомету, всѣ деньги за проданные товары имъ полученные оставить при себѣ, удѣля часть оныхъ ему, за что обѣщалъ ему быть другомъ, и здѣлаться съ нимъ вмѣстѣ щастливымъ. Должно заключить, что сколько Монахъ Сергїй былъ хитръ, столько Магометъ отваженъ, когда на его представленїе согласился. Онъ верблюдовъ оставивъ въ постояломъ

дворѣ

дворѣ, съ деньгами изъ онаго къ Монаху пренесся. Они жили нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ, вмѣстѣ странствовали; и невѣроятно, какъ многiе пишутъ, чтобъ Магометъ не умѣлъ и имени своего подписывать. Ежели Сергiй, какъ всѣ Европейскiе Писатели утверждаютъ, сочинялъ Алкоранъ, то не льзя, чтобъ Магометъ въ ономъ сочиненiи не имѣлъ участiя, когда ему главнымъ лицемъ въ семъ странномъ предпрiятiи быть надлежало. Алкоранъ же такимъ чистымъ и высокимъ слогомъ писанъ, что онаго и нынѣ неученые Арабы не разумѣютъ. Какъ жебы хитрый Магометъ могъ положиться на писанiе Сергiево, естьли бы онаго не разумѣлъ? А ежели разумѣлъ, то былъ силенъ въ полномъ знанiи Арабскаго языка.

Изъ всѣхъ его странныхъ дѣйствiй видно, что ежели онъ въ Наукахъ, просвѣщенiе и пользу Европѣ приносящихъ, не весьма былъ знатенъ; то по малой мѣрѣ съ оными довольное имѣлъ знакомство.

Физика

Физика и Химія ему были небезъизвѣстны, когда посредствомъ магнита и разныхъ спиртовъ производилъ странныя дѣйствія, которыя обыкновенно непросвѣщенные умы за чудеса или за волшебство почитаютъ. Молодаго голубя пріобучилъ клевать изъ уха своего пшеницу; что видя простый народъ удивлялся и вѣрилъ Магомету всѣмъ расказывающему, что Святый Духъ во образѣ сея птицы представлялъ слуху его божественныя произволенія. Съ начала въ пророческихъ своихъ предвѣщаніяхъ и во многихъ предпріятіяхъ имѣлъ разныя неудачи. Дикій народъ *почитая за* преступленіе, оставить свой прежній законный обрядъ и прибѣгнуть къ другому, хотѣлъ-было его лишить жизни. Тогда онъ изъ Мекки убѣжалъ въ Медину; гдѣ вспомоществуемъ щастіемъ отважнымъ людямъ по большой части благопріятствующимъ, ввелъ всѣхъ онаго города жителей въ свою новую Секту. По томъ разослалъ своихъ товарищей въ разныя стороны,

ны, въ которыхъ они проповѣдывали новый Магометанскій законъ. На конецъ удалося ему заразить своею Сектою всѣ мысли Дамаскинскаго Короля, который всѣхъ своихъ подданныхъ властію и силою привелъ къ его закону. Тогда Магометъ у сего Владѣтеля выпросилъ нѣсколько тысячь войскъ, которыя были ему отданы въ полную его власть. Въ то время хитрый и предпріимчивый Магометъ притворную свою смиренность перемѣня въ наглость и насильства, мечемъ и огнемъ во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проходилъ, вѣру свою проповѣдывалъ. Всѣ прежнія имъ вымышленныя святости, всѣ Физическія дѣйствія не могли имѣть столько успѣховъ, сколько было удачливо его оружіе. Въ пять лѣтъ имѣлъ онъ до сорока тысячь Мисулмановъ въ ружьѣ и съ двадцать Провинцій въ подданствѣ. Тогда Алкоранъ книга въ Дамаскѣ, въ Мечетѣ Королемъ построенной, была положена, *Келятъ-алла*, то есть, рѣчь Божія, названа, и святостію, пра-

правомъ и закономъ всѣмъ Магометанцамъ здѣлана.

Въ сей книгѣ между прочими разныхъ знаменованій выраженіями, Создатель Вселенныя называется нерожденнымъ и неродящимъ, непреодолимымъ, непостижимымъ, добро награждающимъ, а зло наказующимъ; что молитва и посты ему всего пріятнѣе; что Магометанскій законъ продолжаться будетъ до самаго конца Свѣта; что когда всѣ живущіе ужè въ прахъ превратятся, останется одинъ только великій Магометанецъ, Джебраилъ называемый, (*) для встрѣченія и принятія въ свѣтъ Ангела, трубою всѣхъ мертвыхъ

(*) Въ толкованіяхъ Алкорановыхъ означено, что Джебраилъ есть Повелитель смерти, и что смерть каждому живущему долженъ подписать онъ. Тѣже Толкователи баснословятъ, что когда Ангела съ трубою Джебраилъ встрѣтитъ и получитъ отъ него приказъ, чтобъ нему, яко смертному умереть; тогда онъ вострепещетъ, возрыдаетъ и застонетъ такъ громко, что потрясется Вселенная. Потомъ

выхъ воскресить имѣющаго, и приметъ кончину свою онъ упомянутаго Ангела; что не только жизнь праведную ведущіе чрезъ него получатъ свое спасеніе, но что и изъ Ада Мисульманы, когда его тамъ воспомянутъ имя, могутъ быть свобождены, и что жизнь вѣчная наполнена красавицами и всѣмъ тѣмъ, что только чувства человѣка роскошную жизнь любящаго усаждать можетъ. Много и прочихъ невѣроятныхъ и больше смѣшныхъ, нежели какого-либо уваженія достойныхъ въ сей книгѣ находится описаній, которыя любопытства человѣка разумнаго не достойны.

Нельзя того подумать, чтобъ сей хитрый Законодавецъ не былъ искусный Архитекторъ въ своей Политикѣ, который умѣлъ воздвигнуть огромное

изрекши сіи слова́: *Естьли бы я зналъ, какъ есть тяжело умереть, то ни одному бы живущему смерти не желалъ*; слезами зальется, и такимъ образомъ жизнь его кончится.

огромное зданїе, нынѢ занимающее почти лучшую, плодоноснѢйшую и вЂ суровостяхЂ воздуха умѢреннѢйшую часть СвѢта, основавЂ оное зданїе на твердости закона, на безмолвномЂ послушанїи верьховной власти и на побудительныхЂ весьма причинахЂ кЂ военной храбрости. У нихЂ вЂ АлкоранѢ означено, что ежели кто сЂ МисульманиномЂ станетЂ спорить о вѢрѢ, то святость оныя доказывать должно мечемЂ. Сїя Магометова предосторожность спасаетЂ секту его и по нынѢ отЂ Учителей ея состоянїю противныхЂ. Послушанїе ихЂ толь велико, что ежели отЂ Султана объявитЂ кто-нибудь хотя Везиру ихЂ конецЂ жизни, то, повинуясь Алкоранову ученїю, не спрашиваетЂ о причинѢ своего нещастїя, и сказавЂ *Емри-Алла Емри-Султанъ*, то есть, Султанская воля есть воля божїя, сЂ покорностїю и благоговѢнїемЂ наклоняетЂ голову подЂ мечь; а вЂ толкованїяхЂ Алкорана ГомеровыхЂ * означено, что есть

* ГомерЂ ихЂ угодникЂ.

ли кто на войнѣ убьетъ непрїятеля, то будетъ непремѣнно въ раю; а ежели отъ рукй противной окончитъ свою жизнь, то будетъ мученикъ, и въ раю красавицъ дадутъ ему на выборъ, сколько хочетъ (*).

Статьй Алкорана весьма темно и осторожно писаны; однакожъ наполнены намѣренїемъ политическимъ. Что

(*) Въ Турецкой землѣ весьма тяжело бѣдному человѣку имѣть жену; ибо естьли у нихъ одинъ можетъ имѣть 50 женъ, то пятьдесятъ человѣкъ могутъ не имѣть ни одной; тамъ женихъ долженъ невѣстѣ своей давать приданое И такъ ничего не имѣющему человѣку къ женидьбѣ дорога пресѣчена: они же такъ пристрастны къ женьщинамъ, что увидя красавицу въ окнѣ, часто рѣжутъ свое тѣло и бросаютъ къ ней, думая, что чрезъ сїе любимая ихъ особа придетъ объ нихъ въ сожалѣнїе. Сїе они дѣлаютъ вмѣсто Элегїй или прочихъ любовныхъ обоявленїй, Европейцамъ свойственныхъ. Отъ того часто случается, что смерти они сами на войнѣ ищутъ, чтобъ въ раю имѣть поскорѣе прекрасныхъ женъ. Турка, который убьетъ непрїятеля, они называютъ *Газы*, а убившаго *Шегитъ*.

Что бы легче здѣлать народамъ непросвѣщеннымъ и новости любящимъ, изъ одной вѣры въ другую переходъ легчайшій и способнѣйшій, составилъ онъ Секту свою изъ разныхъ вѣръ, и здѣлалъ изъ оныхъ въ Алкоранѣ изрядную Мозаику. По чему каждый ихъ Нововѣрецъ нашедъ въ Сектѣ Магометанской довольно прежнихъ своихъ Догматовъ, легче къ оной привыкаетъ, не столько съ начала се ужасается, и не столь много перемѣна ему дикою кажется. По большей части въ Алкоранѣ взято изъ Еврейскаго закона. Еврейцы въ оныя времена ни въ одномъ Королевствѣ не имѣя крѣпкой своему закону защиты, почти по всѣмъ странамъ скитаясь и будучи преслѣдуемы, съ охотою къ Магомету приставали. Они перемѣнявъ законъ, не только никого не опасались, но и вели жизнь роскошами наполненную. Отъ древнихъ Етниковъ взялъ Магометъ предвѣщаніе и жертвованіе птицъ и прочихъ животныхъ, которыя послѣ закланія, будучи бѣдному народу въ

подаяніе отдаваемы, увеличивали народную къ своему Законодавцу любовь. Отъ Жидовъ взято обрѣзываніе, пренебреженіе Идоловъ и Образовъ, и на подобіе Моисея въ открытыхъ поляхъ богомоліе. Отъ Христіянъ, страшный судъ Господній, поминовеніе мертвыхъ, постъ, посѣщеніе святыхъ мѣстъ. Не упустилъ онъ включить въ свой Алкоранъ нѣсколько Аріевыхъ и Несторіевыхъ умствованій, которыя въ оныя времена у народа великую имѣли довѣренность. Что бы больше угодить непросвѣщеннымъ разныхъ Народовъ сердцамъ, призналъ Магометъ въ своемъ законѣ всѣхъ Законодавцевъ за святыхъ, написавъ, что Богъ прислалъ въ Свѣтъ трехъ великихъ людей: Мусу,Ису и Магомета: то есть Моисея, Христа и его. И поелику Христіяне тогда храбрѣе и многолюднѣе были Жидовъ; то, чтобъ больше ихъ прельстить, называлъ Христа *Рухъ-Минъ-Алла*, то есть: Духомъ Божіимъ. Къ сему прибавилъ, что перьвому Пророку Моисею,

Творецъ

Творецъ неба и земли далъ въ руки законъ для народнаго научения; другому дозволилъ творить чудеса для обращенія къ истиннѣ невѣрныхъ, а третьему ему, далъ мечь для наказанія тѣхъ, которые толь долгое время по самое его пришествіе упорно во тмѣ невѣжества пребывали. Накрѣпко запретилъ изповѣдываніе грѣховъ скрытнымъ людямъ весьма противное, и вмѣсто того установилъ частое обмываніе тѣла, увѣряя, что оно къ освобожденію отъ грѣховъ больше нежели исповѣдываніе способствовать можетъ. Толкователи Алкорана во всѣхъ своихъ училищахъ въ разсужденіи сего изъясняются такъ: что ежели тѣло чемъ нибудь изгажено, то должно его обмыть, и будетъ чисто, и что чистота души отъ сердечнаго покаянія предъ Богомъ зависитъ. Сіе, симъ хитрымъ Законодавцомъ установленное частое обмываніе, въ началѣ разпространенія Магометанской Секты и владѣнія; многихъ его воиновъ избавило отъ разныхъ болѣзней, происходящихъ

 отъ

отъ нечистоты тѣла, и въ Европѣ весьма часто случающихся.

Входя въ человѣческія главныя страсти, познавая нашего естества обыкновеннѣйшія склонности, и зная изъ опытовъ, колико вольность въ обхожденіи съ женьщинами, людей пристрастныхъ прельщаетъ, дозволилъ каждому имѣть столько женъ, сколько оныхъ содержать можетъ. Тѣмъ поощрилъ многихъ Европейцовъ къ воспріятію его Секты; ибо обыкновенно человѣки скорѣе могутъ перенести свои мысли отъ строгой жизни къ вольной, нежели отъ вольныя къ строгой. При томъ частыя увѣщаванія и безпрестанныя укоризны, чтобъ отъ зла воздержаться, изпорченной душѣ наскучить могутъ. На противъ того, что въ Христіянскомъ законѣ строжайше воспрещено, то въ Магометанской Сектѣ Раемъ здѣлано. А отъ чего у насъ убѣгать повелѣвается, къ тому у нихъ стремиться каждому по ихъ закону довлѣетъ. Но чему не удивительно, ежели толь

много

много Христїянъ почти и поны҃нѣ ихъ законъ принимаютъ: ибо больше есть въ Свѣтѣ злобныхъ, нежели добродѣтельныхъ; а гдѣ злобѣ есть ободренїе, туда она стремглавъ летѣть старается. Но сколько приманьчивыхъ и сладкихъ способовъ оная Секта имѣетъ къ притягиванїю разныхъ къ себѣ людей, столько наполвена жестокостїю, ужасомъ и всякими мученїями для тѣхъ, кои ее оставляютъ. Огнь, мечь и всѣ мучительныя орудїя съ отступниками отъ ихъ вѣры употреблять въ Алкоранѣ дозволяется.

Главное изповѣдыванїе ихъ Секты состоитъ въ сихъ словахъ: *Ла Иллаге иллелла Мугаметъ Ресуль Алла*, то есть: одинъ Богъ, а Магометъ его Пророкъ. Сему послѣдуютъ пять пунктовъ ихъ вѣры, а имянно: обрѣзыванїе, на ихъ языкѣ *Суннетъ*; молитва, *намазъ*; подаянїе, *садака*; постъ, *оручъ*, и странствованїе въ Мекку, *Кїагабеге Гитмекъ*. Обрѣзыванїе, есть главная надобность ихъ закона; по чему торжественно

ственно отправляется, такъ какъ у насъ свадьба, которая у Турковъ часто потаенно и безъ всякихъ, намъ извѣстныхъ празднованій исполняется. Молитвы ихъ не очень долгія, но много въ себѣ заключаютъ колѣнопреклоненій и паданій въ землю. Обыкновенно молятся они пять разъ въ день, при каждомъ моленіи обмывая руки, ноги и верьхъ головы; а у кого ноги обуты крѣпко, тотъ омочивъ въ воду пять перстовъ, на ноги кладетъ. Молитва названа у Турковъ столбомъ вѣры и ключемъ щастливой и вѣчной жизни. Пятница у нихъ Воскресеніе, такъ какъ у Жидовъ Суббота. Постъ у нихъ въ годъ бываетъ одинъ, у Турковъ *Рамазанъ*, а у Арабовъ *Рамаданъ* называемый. Оный случается въ разные мѣсяцы; однако есть у нихъ мѣсяцъ, который называется *Рамаданъ*. Сей постъ, который они зовутъ тридцати-дневнымъ, начинается при появленіи новаго мѣсяца. Они весь день, во время поста, ничего ни ѣсть, ни пить, ни табаку

баку курить, нижѐ цвѣтовъ обонять должны; на противъ того ночью не только объѣдаться, упиваться, но и во всѣхъ утопать любострастіяхъ имъ не запрещено. По прошествіи *Рамазана*, ихъ поста̀, наступаетъ *Байра́мъ*, праздникъ, который въ городахъ объявляется пушечнымъ выстрѣломъ. Въ Константинополѣ всѣ знатнѣйшіе чины въ оный день съѣзжаются во Дворецъ на *Дыванъ*,* гдѣ бываютъ подчиваемы множествомъ пищи изъ мясъ по большей части составленной, и сладкими напитками никакого хмѣлю, ни крѣпости въ себѣ не имѣющими; но они пируютъ не въ присутствіи Султана, который ни съ кѣмъ, по своей великой гордости, общенародно не обѣдаетъ и не ужинаетъ; однакожъ по достоинствамъ своимъ получаютъ отъ него разные дары. Сей праздникъ обыкновенно продолжается три дни.

Чины ихъ, сколько я упомню, знатнѣйшіе и примѣчанія достойнѣйшіе суть слѣдующіе: *Везырь* или

* Диванъ значитъ Залу собранія, и Собраніе.

Мугуръ сагаби, то есть, держатель Султанской печати [ибо всѣ трехбунчужные Паши Везырами въ письмахъ своихъ титулуются] есть перьвый послѣ Султана Турецкому народу Повелитель. Должно бы предпочесть Везыру *Шегъ Иcляма*, (*) то есть, Патріарха столбомъ ихъ вѣры называемаго, который одинъ только изъ всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ можетъ при Султанѣ присѣсть. Но какъ *Шегъ иcлямъ* никогда въ государственныя дѣла немѣшается, то имя его въ Константинополѣ нестолько, сколько Везырское (**) извѣстно; однакожъ ежели Султанъ захочетъ съ какимъ-либо Государствомъ имѣть войну; то потребно, чтобъ на то дозволеніе, которое они называютъ *Фетпа*, было Шегислямово. Послѣ Везыра есть перьвый чинъ *Капитанъ Паши*,

(*) Шегисламомъ Турки называютъ Муфтія Константинопольскаго.

(**) Хотя у насъ обыкновенно называютъ Везырей Визирами, однако оное слово и всѣ нижеозначенныя на ихъ языкѣ имена я описываю согласно съ ихъ произношеніемъ.

Паши, то есть, Генерала-Адмирала; по томЪ *Топчи Паши*, Генерала-Фельдцейгмейстера. ПослѢ сихЪ слѢдуютЪ *Урумели Валисы* и *Анадоплу Пашасы*, то есть, вЪ ЕвропѢ и вЪ Натолїи Паши главные, которые обыкновенно во время войны должны быть Сераскерами, однако часто ВезырЪ вЪ сей чинЪ жалуетЪ, кого хочетЪ. *КызлярЪ Агасы* равный часто сЪ ВезыромЪноситЪ на головѢ уборЪ, и часто бываетЪ случайнѢе всѢхЪ Везырей по тому, что онЪ есть Глава надЪ всѢми женами и Султанскими любовницами; однако поелику рѢдко вЪ правленїи общественномЪ имѢетЪ участїе, то и имя его вЪ КонстантинополѢ не столько громко и страшно. ОдинЪ только *КызлярЪ Агасы* при СултанѢ МагмутѢ вЪ мою вЪ КонстантинополѢ бытность, былЪ столько случаенЪ, что правилЪ всѢмЪ ГосударствомЪ; но на конецЪ отрублена ему голова во время *Дывана*. ПослѢ *Кызляр-Агасы* слѢдуютЪ чины всѢхЪ трехбунчужныхЪ Пашей, которымЪ

 одна-

однакожъ въ Константинополѣ пребывать не дозволяется, и они обыкновенно посылаются въ Управители Провинцїй, или въ Губернаторы городовъ. *Каймакамъ Паша* есть вторая послѣ Везыра особа; но оный бываетъ только въ отсутствїи Везыра изъ Константинополя. *Буюкъ Имрогоръ* Оберъ-Шталмейстеръ, имѣетъ рангъ Паши трехбунчужнаго, но * бунчуковъ предъ собою не носитъ, и въ правленїи никакого участїя не имѣетъ. Сихъ Имрогоровъ есть три, старшїй, среднїй и меньшїй. *Тефтердаръ Паша* и *Нышанджи Паша*; одного изъ которыхъ можно счесть, какъ будто за Генералъ-Кригсъ-Комисара, а другаго за Вицъ-Канцлера, потому что онъ кладетъ *Туру* или знакъ на указы Султаномъ во всѣ стороны посылаемые, въ Константинополѣ суть весьма знатные Министры.

* Бунчугъ у нихъ здѣланъ изъ волосъ лошадиныхъ хвостовъ, и приправленъ къ тонковытесанному бруску, который длиною бываетъ аршинъ до пяти и иногда меньше или больше, раскрашенъ, а часто и вызолоченъ.

шры. Многїе думаютъ, что *Нышанджи Паша*, есть Паша трехбунчужный; но кто бывалъ въ Константинополѣ, и знаетъ подробно тамошнїй штатъ, тотъ никогда того не скажетъ; да и никто не видалъ, чтобъ предъ нимъ когда-нибудь были несены шри бунчуга; въ прочемъ живучи при Дворѣ, онъ можетъ быть случайнѣе и народу извѣстнѣе другихъ Везырей или трехбунчужныхъ Пашей. Много есть *Тефтердаровъ* и *Нышанджїевъ*, кои состоятъ въ полномъ повелѣнїи прежнихъ. Послѣ сихъ упомянутыхъ чиновъ числится *Янычаръ Ага*, то есть, Генералъ надъ всѣми Янычарами, который упомянутыхъ двухъ Министровъ *Тефтердара* и *Нышанджїя* въ Константинополѣ виднѣе; ибо всѣ войска зависятъ отъ него, и по тамошнему обыкновенїю, естьли Султанъ восхочетъ его наказать смертїю, то прежде жалуетъ его въ Везыри, а потомъ исполняетъ съ нимъ свое произволенїе. Сїе дѣлается знать для того, что никто скорѣе Янычаровъ

ровъ въ Константинополѣ бунту здѣлать не можетъ; а тѣ своего Начальника по одному имени обожаютъ. *Янычаръ Ага* странную при Султанѣ отправляетъ должность. Когда Султанъ ѣдетъ въ Мечеть, то онъ долженъ ѣхать по лѣвую сторону Султанской лошади и въ преддверіи Мечети снимаетъ съ ногъ его сапоги. *Жебежи Паша*, вторый въ воинствѣ послѣ *Янычаръ Аги* имѣетъ рангъ; ему пороховая казна и всѣ военные припасы принадлежатъ.

Кягая Бей, есть весьма знатный въ Константинополѣ Министръ; зависитъ отъ полной Везырской власти, и онъ почти долженъ жить въ его домѣ съ *Чуашъ Пашею* вмѣстѣ. Они суть Везыревы помощники во всѣхъ дѣлахъ; и хотя Везырь самопроизвольно въ оные чины можетъ жаловать, кого захочетъ, однако они выпускаются обыкновенно въ трехбунчужные Паши. Когда какойнибудь Посолъ представляется Султану, то съ нимъ бокъ о бокъ изъ Везырскаго Дворца ѣдетъ *Чуашъ Паша*, и всегда по правую сторону. Гла-

Главный Везырскїй *Дипанъ-Ефенды*, то есть Секретарь, имѣетъ чинъ почти равный съ *Чуашъ Пашею*. У каждаго Везыра много въ службѣ есть разныхъ чиновъ, о которыхъ по ихъ маловажности умалчиваю.

Бостанжи Паша, слово главнаго огородника значитъ; однако онъ имѣетъ чинъ двухбунчужнаго Паши, и обыкновенно бываетъ при Султанѣ каждый день. Естьли Султанъ ѣздитъ на шлюпкѣ, то онъ сидитъ за нимъ. Когда Султанъ ходитъ по городу потаенно, (*) то

(*) Въ Константинополѣ отъ Сулимана II. осталось обыкновенїе, что Султаны ходятъ потаенно по улицамъ. Они передѣваются въ разные уборы, часто и нищими наряжаются, и спрашиваютъ, кто имъ попадается на встрѣчу, доволенъ ли народъ правленїемъ Султанскимъ? не отягощаетъ ли его Везырь или другїе чины? и проч: Чрезъ сїе Султаны часто знаютъ истинное своего народа состоянїе, и Министры отъ него не разъ теряютъ свои головы. Съ Султаномъ обыкновенно ходитъ *Тережежи Паша*, Полицїймейстеръ, который часто вѣститъ, что въ лавочкахъ продает-

и онъ обыкновенно бываетъ при немъ. Бостанжїевъ, надъ которыми онъ глава, числится въ Константинополѣ около пяти тысячь; они родъ солдатъ, и причисляются во время войны къ *Толчи Пашѣ*. Всѣ сады Султанскїе подъ ихъ смотрѣнїемъ; однакожъ они люди военные, стоятъ во Дворцѣ на часахъ и прочїя должности отправляютъ. *Бейтомалжи*, главный судья мертвыхъ, въ Константинополѣ также чинъ не малый имѣетъ. У Турковъ отъ имѣнїя мертвыхъ идетъ на Султана десятая часть, и оную десятину собираетъ онъ.

Самсонжи Паша, слово, значитъ главу надъ мидилянскими собаками, *Загаржи Паша*, глава легавыхъ собакъ, а *Турнажи Паша* глава журавлевъ, суть люди въ Константинополѣ высокихъ ранговъ. Они числятся въ штатѣ воинскомъ, зависятъ отъ главнаго Янычаръ Аги, и обыкновенно

ся; а когда въ чемъ сыщетъ недовѣсъ, то на томъ же мѣстѣ продавца вѣшаетъ.

новенно *Самонжи Паша* выпускается въ Паши двухбунчужные; а *Загаржи Паша* съ другимъ, въ Коменданты такихъ городовъ, гдѣ Губернаторами Паши трехбунчужные. Отъ чего произошли такія странныя прозванія, того въ мою бытность въ Константинополѣ мнѣ доискиваться не случилось; а Турецкія Исторіи, разными Авторами сочиненныя, не только о томъ не упоминаютъ, но и званія ихъ умалчиваютъ. Турнажи Пашовъ есть много. Почти каждаго города, и каждой крѣпости *Ага*, Комендантъ, имѣетъ рангъ Турнажи Паши; но тотъ, который въ Константинополѣ, есть главный. За сими слѣдуетъ *Лагамжи Паша*, то есть, Генералъ-Инженѣръ; но онъ въ Константинополѣ такъ мало значитъ, что о немъ и слуху нѣтъ. Все его инженѣрство во время мира состоитъ въ томъ, чтобъ ключи всѣхъ въ Константинополѣ протоковъ осматривать и исправлять. Во время войны дѣланіе подкоповъ принадлежитъ ему.

Буюкъ

Буюкъ Чаушъ, *Орта Чаушъ* и *Кусюкъ Чаушъ*, тоесть, большій, средній и малый Чауши, суть люди въ Константинополѣ также довольно знатные: *Буюкъ Чаушъ* можно сказать, что имѣетъ рангъ Генералъ-Маiора; а тѣ два Брегадирскiе. Чины ихъ военные; они принимаютъ повелѣнiя отъ Янычаръ Аги, но больше зависятъ съ прочими Чаушами отъ *Базырганъ Паши*, который обыкновенно бываетъ Жидъ. Всѣ почти денежные Султанскiе доходы идутъ чрезъ его руки; щетныя казенныя книги у него; всѣмъ Янычарамъ и всѣмъ во всѣ города войскамъ посылаетъ съ Чаушами *Олофе*, жалованье онъ, и его можно назвать Казначеемъ Султанскимъ. Хотя Везырь такъ могущъ, что можетъ ему отрубить голову; однако его принимаетъ весьма ласково, и всѣ прочiе чины его весьма почитаютъ, потому что у него множество денегъ. Сего Базырганъ Пашу могутъ Жиды назвать своимъ Королемъ. Они всѣ въ Турецкой землѣ отъ него зависятъ. Странно, что Турки

толь

толь великій чинъ вручаютъ Жидамъ, которыхъ и имени они не терпятъ. Я иной тому причины не нахожу, какъ только, что они, по своей неучености, къ щотамъ и ко всему проворству сему мѣсту приличному, не будучи способны, уступили сей чинъ хитрымъ Жидамъ. Хотя сыщется въ ихъ землѣ нѣсколько человѣкъ искусныхъ, но весьма рѣдко, и то, естьли бы здѣлали прочетъ, то на нихъ взять нѣчего. Жидовъ же богатыхъ въ Константинополѣ множество, и на нихъ недостатки казны скоро сыскать можно. Штатская въ Турецкой землѣ служба два раздѣленія имѣетъ. Одно называется *Пашалы*, а другое *Улема. Пашалы* именуются всѣ тѣ, кои въ штатской службѣ въ разныя дѣла употребляются; они особливый на головѣ носятъ уборъ, который на ихъ языкѣ называется *Каукъ*; а *Улема* суть люди Духовенству приличные. Они въ Константинополѣ никакой власти не имѣютъ и ни въ какія государственныя дѣла не мѣшаются, и только упражняются въ

дѣлахъ

дѣлахъ до закона и до толкованія Алкорана принадлежащихъ. Чалму носятъ на головахъ круглую, знатные бѣлую, а бѣдные могутъ носить и черную. Духовенство ихъ разныя имѣетъ званія. *Имамы* попы, *Кадыи* протопопы и вмѣстѣ судьи въ дѣлахъ, до закона касающихся по городамъ. *Муфтыи* настоятели въ малыхъ городахъ, а въ большихъ Епископы. Они въ домахъ своихъ имѣютъ судебныя мѣста, Свадебныя, разводныя и всѣ почти, Консисторскими у насъ называемыя дѣла у нихъ въ домѣ судятся; и что они опредѣлятъ, того свѣтскій судъ перемѣнить не можетъ. Ежелижъ кто сыщетъ случай воспріять убѣжище къ Пашѣ, когда несправедливо будетъ осужденъ; то Паша можетъ каждому въ городѣ Муфтію или Кадію отрубить голову. Каждый трехбунчужный Паша называется *Жинджирсызъ Арсланъ*, то есть левъ безъ цѣпи, потому что ему все, съ кѣмъ сможетъ, дѣлать вольно. Есть у нихъ родъ, какъ будто Монаховъ; тѣ называются

зываются *Дервиши*: они обыкновенно женъ не имѣютъ и препровождаютъ на взглядъ весьма строгую жизнь, но въ самомъ дѣлѣ потаенно ведутъ жизнь роскошами наполненную. Одни называются *Бекташи*, тѣ много въ себѣ имѣютъ циническої Философїи: они ходятъ по домамъ, и просятъ, чтобъ имъ продавали домашнихъ птицъ, обѣщая за нихъ платить вдвое, и утверждая, что въ курицѣ или въ другомъ животномъ можетъ быть душа ихъ предковъ; между тѣмъ проповѣдуютъ преселенїе душъ, и слезами своими народъ къ жалости побуждая собственную свою обрѣтаютъ пользу: ибо Турки природные, обыкновенно къ человѣколюбїю склонны, и они не только двойной цѣны за домашнихъ птицъ, но и ничего отъ нихъ не берутъ; слѣдовательно для того они щедро за нихъ платежъ обѣщаютъ, что знаютъ, что все имъ будетъ даромъ отдано. Тогда они тѣхъ животныхъ, въ которыхъ чаяли быть душу отца, либо брата,

или

или друга ихъ, въ пищу по ночамъ употребляютъ вовремя потаенныхъ своихъ пированій.

Славнѣйшій Дервишевъ орденъ называется *Мепля Гане*, то есть, божій постоялый дворъ. Они живутъ роскошнѣе прочихъ, и вся ихъ должность состоитъ въ томъ, чтобъ въ недѣлю два раза въ своей Теккѣ * въ присутствіи многихъ вертѣться, упоминая имя Бога и Магомета, до тѣхъ поръ, пока завертясь всѣ не упадутъ. Полежавъ нѣсколько на землѣ, какъ будто духомъ восхищенные, встаютъ и расходятся. Всѣхъ строжѣе Дервиши, *Узбеки* называемые, но и всѣхъ притворнѣе и злобнѣе; они ходятъ босы, головы ничемъ не прикрываютъ, носятъ за пазухою змѣй, изъ которыхъ жала прежде вытягиваютъ, одѣваются въ платье почти войлочное, но часто по улицамъ ночью дѣлаютъ грабежи и по дорогѣ разбои.

Воинская

* Мѣсто ихъ собранія.

Воинская служба у нихъ многія имѣютъ раздѣленія. Янычары суть у нихъ въ воинствѣ перьвые и народу извѣстнѣйшіе люди: они получаютъ жалованье бумажками, которыя бумажки называются *Гесате.* Кто запишется въ Янычары, тому дается отъ Янычаръ Аги упомянутая бумажка, по которой онъ означенное на оной число денегъ ежегодно получать долженъ. Однако жалованье весьма неисправно и поздо въ крѣпости Янычарамъ посылается. Въ мою въ Сараѣ, городѣ въ Босніи лежащемъ, бытность, привезли войскамъ жалованье въ 1752 году за 1748 годъ, а другія мѣста еще позже получали свои жалованья. Сей порядокъ, какъ мнѣ кажется, происходитъ отъ хитрости *Базырь-гань Паши*, который Портѣ въ поздой сей посылкѣ извиняется разными неумѣренными по приказу Султана и Везыра, издержками и частыми огромными выдачами денегъ въ казну. На противъ того бѣдные Янычары сію имъ несносную медлѣнность приписываютъ

писываютъ политикѣ. Бывши въ городѣ Нышѣ, спросилъ я одного изъ Янычаровъ, для чего они такъ поздо свое жалованье получаютъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: для того, что во время войны выдаютъ оное вдругъ за нѣсколько годовъ, чтобъ намъ лучше можно было исправиться. Сіе ихъ мнѣніе нѣсколько съ правдою сходно: ибо иной Янычаръ беретъ только 20 рублей жалованья, и долженъ одѣваться, кормиться, и имѣть оружіе отъ себя. Во время мира каждый Янычаръ можетъ торговать, странствовать и служить, гдѣ и кому захочетъ; и тогда въ жалованьѣ ему не великая нужда. Когда же въ какомъ-нибудь углу Государства случится война, тогда они службу и торги оставляютъ, и получивъ вдругъ жалованье за нѣсколько лѣтъ, все къ войнѣ потребное покупаютъ, и къ тому мѣсту, гдѣ войскамъ збираться назначено, стекаются. О доходахъ Турецкаго Государства вездѣ чудеса говорятъ. Иные оныхъ до 50 миліоновъ насчитали. Я настоя-

щихъ

щихъ ихъ доходовъ не знаю, но то только мнѣ извѣстно, что изъ Мусыра больше нежели изъ всѣхъ прочихъ провинцій казны въ Константинополь привозится; я оттуда съ казною въ свитѣ *Гамзебея* въ 1755 году въ Константинополь пріѣхалъ. Казну онъ везъ за три года, и всѣхъ денегъ было не больше миліона. Однако сіи деньги были остальныя отъ тѣхъ, которыя въ Мусырѣ, или по нашему въ Грандкайрѣ, на всѣ чины штатъ и воинство употребляются. А другихъ провинцій доходы едва будутъ достаточны на содержаніе Паши и войскъ во оныхъ находящихся, такъ что во многія города казна посылается изъ Константинополя. Каждый трехбунчужный Паша имѣетъ въ службѣ своей до тысячи служителей, и нѣсколько тысячъ войскъ въ своемъ повелѣніи. Жалованья опредѣленнаго не имѣетъ, а живетъ великолѣпно безъ мѣры, такъ что едва на его содержаніе, въ его власти находящихся провинцій доходъ, достаточенъ быть можетъ, и ежели такъ поздо

 города

города получаютъ жалованье, какъ выше упомянуто, что я думаю, что со всѣми громкими у Турковъ доходами не много у Султана денегъ въ казнѣ. Большой Султанскій доходъ есть соляной; Турки говорятъ, что оный простирается до десяти тысячь мѣшковъ левкихъ. Левкой ихъ, имѣетъ въ себѣ 60 копѣекъ а левкихъ въ мѣшкѣ считается 500. Указы, въ разные городы обьявляющіе время войны, развозятъ обыкновенно *Капучибаши*, которыхъ въ Константинополѣ найдется доста двадцати человѣкъ. Они суть знатные люди, имѣютъ чины бригадирскіе, въ двухбунчужные Баши выпускаются, и зависятъ отъ Везыря, который часто ежели вознегодуетъ на какого-нибудь Пашу, посылаетъ ихъ съ указомъ, чтобъ ему отрубили голову. Тамъ судебное мѣсто только одно. Оно называется *Мегкяме*; но въ ономъ судятся по большой части дѣла консисторскія; въ прочемъ рѣшатъ всѣ дѣла Министры: *Везырь* каждаго Шпашскаго а *Янычаръ*

Ага

Ага военнаго человѣка сказнить само-произвольно могутъ.

Спаги и *Левенды*, конница Турецкая, установлена въ 1361 году послѣ Рождества Христова Султаномъ Амуратомъ. Тогда каждому Спагѣ или конному солдату данъ *Тимаръ*, пахатное мѣсто, отъ котораго онъ долженъ былъ имѣть свое содержанïе; но теперь знатные Спаги содержатъ Спаговъ бѣдныхъ. Одинъ Спага занимаетъ много мѣстъ, и другихъ Спагъ содержитъ на своемъ хлѣбѣ, изъ которыхъ многïе никакого мѣста не имѣютъ. Они тому, кто ихъ содержитъ, служатъ, пашутъ землю, жнутъ, и сѣно косятъ, а во время войны долженъ онъ имъ дать лошадей, и послать, куда будетъ приказано. *Левенды*, есть конное войско Натолïйское. Прежде Левенды всѣ имѣли свои жалованья; но сïе ихъ жалованье вѣка ужѐ тому съ два, какъ утратило свой порядокъ. Теперь который Левендъ достанетъ янычарскую на жалованье записку, то оное получаетъ; а кто жалован-

ной

ной записки не имѣетъ, тотъ живетъ своимъ промысломъ; нынѣ обыкновенно только во время войны имъ производится жалованье отъ Паши Натолійскаго. Они во время мира идутъ во услуженіе разнымъ Пашамъ, и инымъ Управителямъ городовъ. Иные торгуютъ и нанимаются въ земледѣльцы, а прочіе по дорогамъ разбиваютъ; такъ что изъ Константинополя во всѣ Натолійскіе города весьма опасный проѣздъ: ибо вездѣ много Левендовъ скитается. Нынѣ Левенды есть и пѣшіе по недостатку въ Натоліи лошадей, которыхъ почти въ каждый годъ много Европейскіе Турки въ Натоліи покупаютъ, и продаютъ ихъ на границахъ.

Воины ихъ *Тюфекчилеръ* или стрѣлки называемые, подобны нашимъ егерамъ: они только одни изъ всѣхъ Турковъ носятъ платье короткое и весьма легкое. На плечо надѣваютъ одинъ только *Минтанъ*, короткую и легкую фуфайку съ рукавами, и бываютъ обыкновенно при Пашахъ, а во время войны при главныхъ

ныхъ Офицерахъ. Татарскія войска получаютъ жалованья отъ Хана Татарскаго; однако Татары, которые записаны въ Янычары, и которые въ гарнизонахъ служатъ въ крѣпостяхъ, получаютъ жалованье отъ Султана, которое въ каждую, Оттоманской Портѣ принадлежащую крѣпость, съ *Чаушами*, или разсыльными Офицерами посылается.

Сколько въ Турецкой землѣ провинцій и народовъ, столько имянъ ихъ войскамъ; однако между всѣми за лучшихъ воиновъ у нихъ щитается Бошняцкій и Арноутскій народы. Бошняковъ во время войны выходитъ въ поле до десяти тысячь, а Арнаутовъ до тринадцати. Татаръ можетъ набраться тысячь до шестидесяти, Янычаровъ тысячь до семидесяти, Левендовъ, Спаговъ и всѣхъ прочихъ войскъ столько же; но ихъ собирать должно по крайней мѣрѣ года съ три изъ разныхъ мѣстъ, по которымъ они во время мира шатаются. А изъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ на примѣръ, изъ Египта

та, и еще далѣе, войска къ Султанской арміи не приходятъ, а получаетъ онъ за то отъ Управителей отдаленныхъ городовъ деньгами. По Турецкому изчисленію всегда во время войны армія ихъ по меньшей мѣрѣ имѣетъ войскѣ до четырехъ сотъ тысячъ; но въ самомъ дѣлѣ больше ста семидесяти тысячъ едва быть можетъ. Дѣйствующихъ оружіемъ едва наберется до шестидесяти тысячъ, а прочіе всѣ верблюдоводцы, водоносцы, землекопы, плотники, мастеровые разные, и чиновныхъ людей служители во время войны при лагерѣ, при лошадяхъ, и при разныхъ иныхъ должностяхъ находящіеся. У нихъ не только у субалтернъ-Офицеровъ, но и у достаточныхъ Янычаровъ есть слуги за лошадьми, за припасомъ, и екипажемъ смотрящіе. Деньщиковъ у нихъ нѣтъ, и каждый ихъ воинъ тамъ человѣкомъ великимъ себя щитаетъ. Въ Константинополѣ у Янычаръ Аги есть списокъ 151 полкамъ. Тѣже полки у нихъ двойные; одни называются *Джамаатъ*, а другіе *Буй-*

лукъ

лукъ, то есть *причастные* и *твердые*. И такъ многие Турки думаютъ, что въ тѣхъ 151 полкахъ двойныхъ, однихъ только Янычаръ числится до двухъ сотъ тысячъ, но на вѣрно едва назбирается ихъ до семидесяти тысячъ. Въ иномъ полку бываетъ Янычаровъ до двухъ тысячъ, но такихъ полковъ едва будетъ три. Лучшій и многолюднѣйшій ихъ полкъ называется *Оттузъ ики булюкъ*, то есть тридцать вторый въ твердыхъ. Но въ иныхъ полкахъ и по пятидесяти человѣкъ нѣтъ. Въ бытность мою въ Константинополѣ, я вступилъ по нуждѣ въ янычарскую службу, и жилъ въ полку, *Ельли бешъ джамаатъ* называемомъ. Во всей казармѣ (*) было насъ Янычаръ человѣкъ шесть, седмой *Чорбажій* Полковникъ; осьмый *Одо-*

(*) Надобно знать, что никакого въ Константинополѣ строенія казармъ, которыя они *Кышляя* или зимняя квартира называютъ, уютнѣе и великолѣпнѣе нѣтъ. Каждый Султанъ записанъ въ какой-нибудь полкъ во

Одобаша Капитанъ, девятый *Векилгаряжъ*, держатель полковаго провїанта, десятый *Ахчїй* поваръ, который имѣетъ въ каждомъ полку чинъ офицерскїй, и въ отсутствїи Полковника правитъ его должность; одиннадцатый *Байрактаръ* прапорщикъ; двенадцатый *Келчеджи* владѣтель уполовника и знатный у нихъ офицеръ, который Янычаровъ за вину уполовникомъ мѣднымъ бьетъ въ плеча; два *карракулукчихъ*, то есть, янычарскихъ услужниковъ; а тридцать человѣкъ сего полку отправляли торги по разнымъ мѣстамъ. Читатель самъ изчислить можетъ, сколько человѣкъ было во всемъ полку, въ которомъ я тогда служилъ.

Въ

время своего младолѣтства и неволи; и когда сядетъ на престолѣ, тогда казармы своего полку украшаетъ. У казармы тридцать второй въ твердыхъ однѣ ворота, стоютъ до 50 тысячь левкихъ; ибо всѣ фигуры на оныхъ изображенныя и иныя украшенїя здѣланы изъ чистаго золота.

ВЪ придворной службѢ, которая вЪ КонстантинополѢ самая маловажнѢйшая (: ибо Везирскіе служители городу извѢстнѢе Султанскихъ, кои почти изЪ дворца никуда не выходятЪ:) есть множество разныхЪ чиновЪ: *Ичъ агаларъ*, КамерЪ-юнкеровЪ, будетЪ при СултанѢ до пяти сотЪ; между ними перьвый рангЪ имѢетЪ *Кягая*, ГофмаршалЪ; по томЪ *Силихтаръ*, оруженосецЪ; за нимЪ *Букъ Имрогоръ*, ОберЪ-ШталмейстерЪ; послѢ *Газнедаръ*, Казнохранитель, по томЪ *Селямъ Агасы*, ЦеремонійместерЪ, послѢ всѢ тѢ, кои разныя должности отправляютЪ, и отЪ должностей имѢютЪ званія: какЪ на примѢрЪ, *Кагведжи Баша* отЪ варенія кофія; *Марамаджи Баша*, который весьма человѢкЪ при ДворѢ великій, отЪ глаженія салфетокЪ; *Матараджи Баша*, который Султану подаетЪ воду для умыванія вЪ нужныхЪ мѢстахЪ, вмѢсто бумажки. ВЪ бытность мою вЪ КонстантинополѢ сей кавалерЪ былЪ выпущенЪ вЪ двухбунчужные Паши,

или по нашему, вЪ ГенералЪ-Порутчики. *Башъ Чаушъ и Башъ Чогодаръ*, Султанскїе, то есть Глава скороходовЪ, а другой Глава лакѢевЪ, весьма великїе люди: словомЪ сказать, у нихЪ толь странные по должностямЪ бываютЪ чины, что оные не только сЪ нашими сообразить не можно, но иные ЕвропейцамЪ покажутся гнусными, а тамЪ вЪ великой чести.

У нихЪ бываютЪ, какЪ будто комедїи, которыя они *Карадьозъ* называютЪ. Сїя комедїя почти одна, но вЪ разныхЪ лицахЪ представляется, и весьма похожа на Пулцинеллу, площадную комедїю вЪ Италїи. ВЪ сей комедїи такїя есть не благопристойности, что Европейской женьщинѢ и самаго нижайшаго степени на ней быть стыдно. Есть у нихЪ и балетЪ, *Ченги* называемый; вЪ ономЪ прыгаютЪ у нихЪ дѢвицы, а иногда и мальчики, которыхЪ содержатЪ рабопродавцы, и посылаютЪ ихЪ за деньги кЪ тому, кто ихЪ у себя имѢть пожелаетЪ. *Мехтергане*, музыка ихЪ, состоитЪ изЪ разныхЪ стран-

ныхЪ

ныхъ инструментовъ, больше къ помѣшательству, нежели къ услажденїю мыслей служащихъ. Музыканты ихъ обыкновенно бываютъ Цыганы; они въ Турецкой землѣ и палачи. Когда Султанъ садится на лошадь, они играютъ одинъ цыганскїй концертъ двенадцать разъ. Тогда выходятъ *Солаки*, втораго ранга Султанскїе пѣшїе служители, у которыхъ на головѣ изъ перьевъ, и изъ разныхъ тончайшихъ прутиковъ здѣланы, какъ будто метлы, и такъ высоки, что когда они обступятъ Султанскую лошадь, то изъ-за оныхъ Султана не видно. *Шатировъ*, или по нашему, скороходовъ, за ними идетъ множество. Двенадцать Пїиковъ, или перьваго ранга пѣшихъ служителей, которые на головѣ носятъ вызолоченные тазы, идутъ передъ Султаномъ (*). Пїиковъ

 никто

(*) Когда я о Пїикахъ разговаривалъ въ нѣкоторомъ домѣ, то нѣкто, можетъ статься, на какой-нибудь границѣ Турковъ видѣвшїй, послѣ, какъ меня тамъ не было, говорилъ, что Пїиковъ имя выдумано, и что я говорю много из

никто кромѣ Султана, предъ собою имѣть не можетъ, и Турки сказываютъ, что ежели въ Константинополь пріѣдетъ Татарскій Ханъ, или какой-нибудь Король, то только имъ сихъ служителей имѣть дозволяется, и то не больше двухъ. Когда Султанъ выѣзжаетъ изъ Дворца, то *Сака-*

обумъ. Когда мнѣ сіе было пересказано, то я не могъ надивиться, какъ могутъ люди быть столько безсовѣстны, что могутъ поносить другихъ въ томъ, о чемъ сами некакого понятія не имѣютъ. Пусть такіе пустомели, естьли они думаютъ, что они что нибудь о всемъ семъ знаютъ лучше меня, скажутъ мнѣ то въ глаза. Я до самыхъ ногъ поклонюся Читателю, естьли меня тогда къ себѣ призоветъ, когда они будутъ говорить, что въ семъ описаніи есть что нибудь не праведно написано. Въ то время каждый увидитъ праваго; и я докажу, что общество неправедными описаніями обманывать почитаю за смертельное преступленіе. Многіе обучась нѣсколько Турецкому языку изъ Лексиконовъ, въ своихъ изданіяхъ такъ званія Турецкихъ чиновъ и многія иныя слова перепортили, что ни одинъ настоя-

Сакалярь водовозы (*) прежде всю дорогу окропятъ водою, и послѣ оную чисто выметутъ, такъ чтобъ нималѣйшая пылинка на дорогѣ не осталась.

щій Турокъ ихъ разумѣть не будетъ. Естьли бы я не зналъ довольно политическаго состоянія Турецкаго Государства, то не могъ бы разумѣть тѣхъ словъ, которыми въ разсужденіи Турецкой земли, наполненъ Лексиконъ Енциклопедическій. Правда, что и свойство языка на своихъ буквахъ иному языку Турецкихъ словъ точно выразить не дозволяетъ. Но кто знаетъ настоящее Турецкое произношеніе, тотъ на своемъ языкѣ можетъ хотя столько слова ихъ описать, что Турку оныя могутъ быть внятны. И на нашемъ языкѣ, въ которыхъ словахъ находится литера Турецкая *джимъ*, называемая, не можно оныхъ нашими литерами правильно изъяснить.

(*) Въ Константинополѣ они носятъ кожаное платье, и въ кожаныхъ мѣшкахъ, которые у нихъ называютъ *кырбами*, по всѣмъ домамъ разносятъ воду, продавая по *ахче*, то есть, по нашей деньгѣ мѣшокъ, въ которомъ нашихъ ведеръ будетъ съ четыре.

Штатскіе люди въ Константинополѣ и въ иныхъ городахъ не мо-могутъ носить никакого оружія, кромѣ кинжала, и то когда ходятъ за городомъ, а въ городѣ могутъ имѣть за поясомъ серебряные небольшіе ножики. На противъ того Янычарамъ и такого ножика за поясомъ въ Константинолѣ, имѣть не дозволяется; однако многіе носятъ и кинжалы богато оправленные, и когда видятъ проходящаго полицейскаго Офицера, то оные прячутъ. Крѣпкіе напитки всѣмъ Туркамъ подъ строжайшимъ наказаніемъ употреблять запрещается; однако они пить любятъ, ходятъ и въ кабаки, только съ великою осторожностію: ибо естьли дозоръ или полицейскіе служители въ кабакѣ ихъ поймаютъ, то меньше пяти сотъ прутьевъ въ голыя подошвы ноги онымъ не достанется; однакожъ Янычаровъ въ подошвы не бьютъ, а наказуютъ ихъ по школьному. Сію они предъ прочими всѣми Турками имѣютъ отличность. На карау-

караулахЪ и на часахЪ они стоятЪ сЪ палками такими, какїя у насЪ носятЪ фурманщики, и никакого при себѢ оружїя не имѢютЪ. Конные Янычары по городамЪ носятЪ за поясомЪ пистолеты и предлинные и широкїе ножи; однакожЪ на часахЪ стоятЪ сЪ палкою, а вооружаются тогда, когда идутЪ вЪ кофейный домЪ или куда нибудь прогуливаться. Старые Янычары часто выпускаются вЪ *Каиды* управители городовЪ; или вЪ *Сердары*, Воеводы.

ВЪ Турецкой землѢ за славу почитается умѢть хорошо драться; и ежели у нихЪ кто у нѢсколькихЪ людей отрубилЪ уши, носЪ и руки, тотЪ за героя почитается. У нихЪ на поединкѢ кого нибудь ранить не почитается за вину; но за убїенїе, убивецЪ, равнымЪ образомЪ наказуемЪ бываетЪ; ежелижЪ вбѢжитЪ вЪ собранїе ДервишевЪ, которое *ТеккѢ* называется, то избавится отЪ смерти.

ВсѢхЪ роскошнѢе вЪ КонстантинополѢ живутЪ потаенно Дерви-

ти; а явственно *Каліонжилеръ* матрозы, которые въ Константинополѣ въ немаломъ почтеніи, имѣютъ великія жалованья, всякіе торги отправляютъ безпошлинно, великолѣпно одѣваются и великую во всемъ имѣютъ вольность; имъ въ кабакъ ходить безъ опасности можно, и носить за поясомъ великіе ножи дозволяется.

Почта въ Турецкой землѣ есть двоякая, конная и пѣшая. Конная называется *Мензылъ*, а пѣшая *Ракашъ*; у нихъ колясокъ и кибитокъ нигдѣ нѣтъ, и куріеры ѣздятъ верьхомъ, или пѣшкомъ ходятъ.

Султанъ есть у нихъ Богъ на землѣ: онъ называется *Вели Алла* и *Векилъ Еннебы*, то есть, Богомъ любимъ и Пророковъ Намѣстникъ. Рѣдкій Султанъ можетъ имѣть хорошее о состояніи своего Государства свѣденіе, по тому что большую часть жизни своей препровождаетъ въ неволѣ: ибо у нихъ Принцевъ сажаютъ въ темницу, въ *Ескисаралъ*, то есть въ старомъ Дворцѣ. При отцѣ владѣющемъ, дѣти имѣютъ свободу и

живутъ

живутъ съ нимъ вмѣстѣ; но коль скоро отецъ скончается, то ихъ отводятъ въ темницу, которая одинакожъ одно имя только темности въ себѣ имѣетъ; въ прочемъ, они тамъ живутъ въ покояхъ великолѣпно убранныхъ, но никакой не имѣютъ вольности, такъ что и часовые, которые въ старомъ Дворцѣ стоятъ на часахъ, никогда Принцевъ и въ глаза видѣть немогутъ, а имѣютъ съ ними дѣло люди особливо къ надсматриванїю за ними опредѣленные. Женьщинамъ подъ смертною казнїю туда входъ запрещенъ; ибо какая нибудь изъ нихъ тамъ побывавъ, могла бы принести Царству ихъ наслѣдника, который живучи на волѣ, могъ бы о престолѣ подумать, а часто оный и поколебать, какъ-то во время начала разпространенїя Турецкаго Государства не одинажды случалось.

Большее набоженство Турецкаго народа состоитъ въ томъ, чтобъ быть въ *Меккѣ* и *Mединѣ* городахъ. *Мекку* они называютъ *Бейты Алла*,

то

то есть, Домъ Божїй, и думаютъ, что Кивотъ, о которомъ Священная Исторія упоминаетъ, находится въ ономъ городѣ въ Мечети. Во всѣхъ городахъ, когда Турки молятся, становятся они лицемъ къ той странѣ свѣта, въ которой Мекка находится. А кто прибудетъ въ Мекку, тотъ можетъ на молитвѣ лице обратить въ ту сторону, въ которую захочетъ. Кто побываетъ въ Меккѣ, тотъ долженъ навѣстить и Медину, гдѣ гробъ Магометовъ. Многіе въ сочиненїяхъ своихъ написали, что Магометова гробница стоитъ на воздухѣ, силою магнита будучи въ равновѣсіи держима. Но сто неправда; мѣсто, которое они гробомъ Пророковымъ называютъ, находится въ низко здѣланномъ въ землѣ капищѣ. Физикамъ извѣстно, что магнитъ извѣстнаго имъ требуетъ питанїя, что бы сила его не уменьшалась; и естьли бы магнитъ въ потолокѣ былъ вмазанъ, то для питанїя онаго силы, должно бы часто оный потолокъ проламывать. Но я не

не хочу о семъ физическомъ свойствѣ здѣсь разсуждать, яко не у мѣста, а только скажу, что я видѣлъ планы оной гробницы у моихъ тогдашнихъ друзей, кои сами будучи въ Меккѣ и въ Мединѣ, оныя съ тѣхъ мѣстъ и съ Магометова Капища сняли; Мекка весьма подобна дому Лоретскому въ Италіи.

Изъ Турецкой земли почти ежегодно странствуетъ въ Мекку до тридцати тысячь, ежели не больше набожныхъ и разнаго рода людей; иные туда странствуютъ для корысти; они разныхъ бальсамовъ и иныхъ товаровъ тамъ за дешевую цѣну накупивъ, дорого въ своихъ земляхъ продаютъ и набогащаются. Кто былъ въ Меккѣ и въ Мединѣ, тому должно быть и у горы, *Джебель-Рафатъ* называемой. Турки въ своихъ священныхъ писаніяхъ баснословятъ, что когда Магометъ, ихъ Пророкъ, строилъ Мечеть въ Меккѣ; то изъ всѣхъ мѣстъ привозить велѣлъ камни, и будто позабылъ о горѣ *Рафатѣ*, такъ что ни одинъ камень изъ

оной

оной въ оную Мечеть употребленъ не былъ. Когда Магометъ построя упомянутую Мечеть, мимо горы Рафата шелъ, то она ужасно возстенала, сказавъ: въ чемъ я, Божїй Пророкъ! предъ моимъ Творцемъ виновата, что всѣ горы дали въ домъ его по камню, а отъ меня ты онаго не взялъ. Тогда будто Магометъ въ такую пришелъ жалость, что заплакавъ ей такъ отвѣчалъ: *я впредь о тебѣ не позабуду; и кто напѣстить домъ Божїй и мой гробъ, тотъ долженъ будетъ видѣть и тебя.* Послѣ сего будто Магометъ установилъ, чтобъ странствующїе въ Мекку и Медину на оной горѣ Богу приносили жертвы: Что и по нынѣ исполняется. Туда каждый странствующїй, приводитъ въ день *Байрама*, ихъ праздника, барана и онаго предаетъ закланїю.

Съ странствующимъ въ Мекку и Медину многолюдствомъ изъ Константинополя съ довольнымъ числомъ войскъ отправляется *Емиръ Гаджъ*, Паша трехбунчужный, и везетъ Магометову

гометову гробу покрывало, а въ Мечеть Мекскую, оправленную въ золото и въ дорогіе камни, книгу Алкоранъ, съ богатымъ покровомъ, который у нихъ *Мамель Шерифъ* называется. Верблюдъ, везущій сіи дары, называется у нихъ святымъ, и когда изъ Мекки назадъ придетъ на свое мѣсто, то уже ни въ какія работы не употребляется, и получаетъ пенсіонъ. Изъ Грандъ-Каира города, на Турецкомъ языкѣ называемаго *Муссыръ*, другой въ Мекку посылается *Емиръ Гаджъ*, то есть, Глава каравана; покрывало и иные дары онъ также Магометову гробу отвозитъ. Въ мою бытность въ Египтѣ посланъ былъ съ караваномъ Бей *Гусеинъ*, по прозванію *Кишкишъ*, съ которымъ я хотѣлъ ѣхать въ Мекку; но онъ меня не принялъ, по тому что я былъ въ службѣ другаго Бея *Хамзе* называемаго, отъ котораго я письменнаго увольненія отъ службы не имѣлъ.

Гору *Іосефатъ* Турки чтутъ за святую, на которой, утверждаютъ,

ютъ, что будетъ война во время страшнаго суда грѣховъ съ добродѣтелями, и что грѣхи изъ оныя во адъ будутъ изгнаны.

О винѣ виноградномъ больше всего въ толкованїяхъ Алкорановыхъ у Турковъ разсуждается. Они говорятъ, что ежели капля онаго впадетъ въ рѣку, а изъ оной рѣки напьется овечка или какая нибудь птица, то не только мясо сей овечки или птицы, но и ея ягненка, а другой яицо употреблять въ пищу грѣшно. Въ другомъ мѣстѣ сихъ Гомеровыхъ Толкователей означено, что крѣпкїе напитки изкореняютъ способности къ достоинствамъ душевнымъ, затмѣваютъ разумъ, заставляютъ говорить много, а думать весьма мало, и которые развеселяютъ сердце, но безпокоятъ разумъ.

Въ Законѣ Турецкомъ также есть расколы. Персы и Кюрды немалые съ Турками имѣютъ законные споры. Турки предпочитаютъ ученїя Гомеровы * Алїевымъ, а Персы и Кюрды

(*) Гомеръ Пророкъ славнѣйшїй послѣ

Кюрды Алїевы Гомеровымъ. Персы не почитаютъ за святаго угодника Турецкаго Еюба, а Турки предпочитаютъ онаго многимъ Пророкамъ, и въ состоящей за городомъ въ Константинополѣ сего ихъ угодника Мечети нововозведенный на Престолъ Султанъ припоясываетъ къ боку саблю; что у нихъ дѣлается вмѣсто Коронацїи. Султанъ въ мѣсто Короны на головѣноситъ чалму съ тремя перьями, брилїянтами осыпанными; два пера стоятъ въ верьхъ, а третїе въ низъ опущено. Перьвыя два пера значатъ завоеванїе двухъ Имперїй Греческой и Тривизонской; а третїе Венгерскую власть, которую они называютъ Будымскою отъ города Буды, коимъ они владѣли, и который отъ нихъ паки отнятъ. По ихъ мнѣнїю, тогда Султанъ упомянутое въ низъ опущенное перо на своей чалмѣ поставитъ прямо, когда паки Буду и прочїе въ Венгрїи города подъ свою покоритъ власть.

Турки

Магомета у Турковъ а Али у Персовъ.

Турки во всѣхъ своихъ писаніяхъ опровергаютъ республиканскія права, утверждая, что ежели человѣкъ есть созданъ на подобіе Божіе; то и Государь, яко Глава народа, слѣдственно и больше всѣхъ Богу подобный, долженъ такую имѣть полную надъ народомъ власть, какую Богъ имѣетъ надъ нимъ и надъ всѣми. Трезвость и безмолвное повиновеніе верьховной власти доколѣ свято Турки наблюдали, то были почти всему Христіянству ужасны. Колико странныя опая Монархія имѣла начáла, только и пользовалась множественными и необыкновенными успѣхами. Не успѣла въ свѣтъ родиться, ужѐ въ великана превращалась. Перьвые Турецкіе народы, тогда Сарацины называемые, въ скорости овладѣли многими частьми Азіи и Африки. Побѣдивъ всѣ Имперскія морскія и сухопутныя войска Гомеръ II. въ году отъ Рождества Христова 633 покорилъ въ пятнадцатилѣтнѣе время все Королевство Египетское; по томъ Дамаскъ, Сирію, Іеруса-

Ієрусалимъ, Антіохїю и всю Персїю. Послѣ Турки въ 653 году взяли городъ Кипръ со всѣми къ оному принадлежащими землями; вскорѣ послѣ сего овладѣли Родосомъ и выгнали оттуду, кажется, что на вѣки Малтїйскихъ Кавалеровъ. На конецъ взявъ въ плѣнъ все средиземное море, и наполнивъ оное множественными кораблями, въ 714 году наложили иго неволи на Ишпанїю, а въ слѣдующїя времена покорили всю Грецїю, и многїя другїя Королевства и острова; владѣли они и Сицилїею съ Калабрїею. По томъ ограбили и въ великїй привели ужасъ не малую часть Италїи, такъ что были Турки съ войсками недалеко отъ Рима. Венгрїя и Богемїя не разъ были подъ ихъ покровительствомъ. Вѣна у вратъ своихъ видѣла Турка, и Престолъ Цесарскїй оттуда съ мощьми святыхъ въ другую страну былъ пренесенъ. Польша неоднократно платила сему гордому народу дань. Но на конецъ гордость высокомысленнаго Турка нашла свои границы, границы предѣ-

ламъ Нила и моря подобныя. Яко быстротечный Нилъ, имѣющій преимущество въ высотѣ своего теченія предъ моремъ съ нимъ соединяющимся, наглость его шумящихъ волнъ часто отъ своихъ отвергаетъ предѣловъ, тако ты гордый, и чрезъ нѣсколько вѣковъ многимъ народамъ ужасный Турокъ побѣдоносным Россійскимъ оружїемъ въ своихъ высокодумчивыхъ стремленїяхъ опроверженъ, побѣжденъ и въ необыкновенный нынѣ приведенъ страхъ и ужасъ. Излишняя гордость произвела въ тебѣ неумѣренность, сія рождала роскошествованїе прежней твоей къ воинскимъ трудностямъ привычкѣ противное; отъ него произошла неразборчивость въ твоихъ дѣлахъ; и только изъ всѣхъ твоихъ прежнихъ къ достиженїю славы потребныхъ способностей осталось одно пылкое желанїе, которое есть первый вождь всѣхъ предпрїятій, а часто и удачь. Но сей главный мыслей человѣческихъ предводитель, долженъ имѣть въ своей подчиненности разсудокъ, иску-

искуство, постоянство, терпѣніе, разумную смѣлость, а иногда и дерзновеніе, но съ силою и возможностію соединенное, которое преимуществомъ героевъ иногда назвати можно. Но всѣ сіи славы и успѣховъ свойства и дѣйствія нынѣ тебѣ неизвѣстны, и отъ твоихъ удалены предѣловъ Желанія въ тебѣ не естественны; оныя часто въ тебѣ раждаетъ, народъ завидующій чужему спокойству, народъ возмущеніями и чужими нещастіями веселящійся, славу и всѣ почти свое движеніе отъ хитрости имѣющій, и правила чести. за изверги природы почитающій. Когдаже у тебя желанія больше дерзки, нежели свойственны, ежели исканія твои не тебѣ, но возмутителю твоему вразумительны, то какой при неизвѣстныхъ своихъ началахъ оныя могутъ имѣть конецъ? Конечно тотъ, какой твои, нещастные хитрости чужей жертвы, съ собою нынѣ зрятъ и оплакиваютъ.

Тебѣли, около тридцати лѣтъ пріятнымъ мира спокойствомъ наслаждающаяся

слаждающаяся Порта, прилично было въ Европейскія политическія, коихъ ты обстоятельно понимать не можешь, и о которыхъ народъ твою довѣренность чрезъ свою хитрость пріобрѣвшій тебѣ говоритъ ложно и темно, мѣшаться и желать такого конца который самой твердости самодержавства просто противенъ и опасенъ? Какой успѣхъ имѣть могутъ всѣ твои огромныя, но невозможныя, пылкія, но не удачливыя желанія и намѣренія? Я тебѣ скажу: въ то время, когда вознамѣряешься давать короны другимъ, пренебрегаешь и тратишь свою.

Но можетъ быть, что ты по днесь непросвѣщеннымъ своимъ окомъ, сего судьбою тебѣ можетъ статься назначеннаго, не зришь предѣла, и посреди своихъ бѣдствій улыбаешься прельщенная надеждою твоимъ союзникомъ выдуманною, который тебѣ оную вмѣсто истинны представляетъ. Вѣрь ложнымъ его предложеніямъ, изчисляй множественныя свои войска, строй въ мысляхъ своихъ,

ихъ разныя предпріятія; я то только смѣло тебѣ сказать могу, что сама для себя нещастную сплетаешь теневу и въ оной запутаешься, не зная того, что не многолюдство, не богатства, не неумѣренная воиновъ смѣлость благополучіе и безопасность народа составляютъ: есть нѣчто иное къ щастію его поспѣшествующее, и что ты считаешь ничемъ. Справедливое повелѣваніе, любовь подданныхъ и проворное искуство; три, неизвѣстныя тебѣ преимущества отворяютъ къ славѣ и къ щастію пространный путь. У тебя вмѣсто сихъ достоинствъ завистъ, корыстолюбіе, невоздержное и никакого истязанія не опасающееся удовольствованіе страстей, невѣжество, несогласіе неразличность зла съ добромъ во всемъ земель твоихъ пространствѣ человѣческія сердца въ жестокомъ содержатъ плѣну, и наконецъ тебя погубляютъ. Народъ твой ничего не могши надѣяться отъ своего искуства, слѣпо полагается на молитвы,

вѣря

вѣря Алкорану, утверждающему, что больше одна молитва во время неудачи, нежели многочисленныя войска дѣйствовать можетъ. Тщетное упованїе, пустое воображенїе и безразсудное желанїе невозможнаго! Небо неправедныхъ не слышитъ. Тщетное о не возможномъ моленїе, женственныя обѣщанїя, излишнїя жертвоприношенїя геройскимъ душамъ не внятны. Герои вмѣсто сихъ твоихъ добродѣтелей мужество, порядокъ, искуство и неусыпное о желаемомъ бдѣнїе употребляютъ. Одна геройская рука обыкновенно многїя устрашаетъ толпы; и ежели не единократно убогая добродѣтель важностїю и справедливостїю своею великїя побѣждаетъ богатства, то малое число героевъ храбростїю управляемое, всякое многолюдство въ страхъ и трепетъ привести можетъ. Ты надмѣнный гордостїю Турокъ не разъ то видѣлъ изъ опытовъ. Воспомни, коликократно побѣдоносному Россїйскому оружїю отверзъ ты свои границы, города и крѣпости. Но

по что

по что тебѣ далеко углубляться мыслями своими о прошедшемъ? Воззри на нынѣшнее границъ твоихъ состоянїе, и увидишь на оныхъ горы труповъ нещастїе твое предзнаменующихъ. Гдѣ только, гордая Порта! Янычары твои, съ нашими воинами ни встрѣтятся; тамъ зрятъ предъ собою страхъ и образъ смерти; а на лицахъ нашихъ войскъ мужество, знаки побѣды и геройство. Однакожъ войска твои, будучи больше боязнїю, нежели любовїю къ своему Государю управляемы, теряютъ присутствїе доброй памяти, бѣснуются; и пришедъ въ отчаянїе, дерзостно на противную нападаютъ сторону. Но въ то самое время дерзость ихъ славнымъ ЕКАТЕРИНЫ оружїемъ при самомъ началѣ воспящается. Россїйскїе воины, яко твердыя горы, съ мѣста не двинутся. Каждый изъ нихъ какое мѣсто занялъ живой, оное, утративъ душу прикрывалъ тѣломъ, какъ будто не желая его уступить непрїятелю. Таковъ былъ Беклешовъ, которому воины

пы твои отсѣкши голову, рубили потомъ руки опасаясь, чтобъ оныя и мертвыя имъ не были вредны и ужасны. И на мертвыхъ нашихъ войскъ лицахъ довольно еще примѣтна была толпамъ твоимъ прежняя ихъ храбрость, и тебя устрашать не преставала. Самая смерть ихъ столько тебѣ страшна, сколько они ее безъ малѣйшей робости встрѣчали: ибо кончина, покой а не нещастіе справедливымъ душамъ приноситъ.

Колико кратно полководцы твои ни предпринимали поправить свои неудачи, всегда оныя умножались. Четыре полка, множественныя твои войска однимъ имянемъ великой нашей Государыни привели въ ужасъ. Слово ЕКАТЕРИНА больше громовыхъ ударовъ тебя устрашило и въ ужасный привело трепетъ! Имя сіе, которое чувствительнѣйшею и совершеннѣйшею радостію наши наполняетъ сердца, тебѣ могло быть ужасомъ и порабощеніемъ? Такъ нещастливый! Боги справедливымъ радость и блаженство, а неправеднымъ ужасъ и мученіе

ченіе приносятъ. Справедливость ЕКАТЕРИНЫ, со многими совершенствами соединенная, не только тебя, но и отважнѣйшее и искуснѣйшее въ нынѣшнемъ вѣкѣ ЕИ противное мужество, устрашить и побѣдить умѣетъ.

Въ развалинахъ прежней своей славы нынѣ погребающаяся Порта съ начала твоего не тѣ были Владыкѣ твоихъ намѣренія и обычаи. Они прежде старались воевать съ землями слабыми, имѣя великую силу, для того, чтобы имъ удобнѣе оныя побѣдить было можно. Они не вѣрили хитрымъ обманьщикамъ. Совѣты имъ предлагали обстоятельства и нужда, а не чужая хитрость. Начальники твои не съ многочисленными женьщинами вели постыдную въ своихъ Сераляхъ жизнь, но всѣ военные труды претерпѣвая, искали славы и пользы и одну съ другою всегда почти вмѣстѣ находили. Но сіе ихъ щастіе цвѣло въ такія времена, когда военное знаніе больше отъ дерзости, нежели отъ искуства зависѣло. Но

когда нынѢ мужественнѢйшія и отважнѢйшія дѢла зависятъ отъ разсудка; когда всѢ твои ВладѢтели и Начальники вмѢсто пользы и славы ищутъ сами не зная чего; когда прежней твоихъ героевъ храбрости, корыстолюбіе, роскошествованіе и легковѢрность заступили мѢсто, то можешь-ли ты ополчиться противу такого Государства, такою премудрою Главою управляемаго, котораго щастію и мужеству первые твои Магометы, Сулиманы и Амураты, славнѢйшіе твои древніе герои, есть-либы нынѢ воскресли, удивляться бы не преминули? Киръ въ Азіи, а Лакедемонцы въ Греціи до тѢхъ поръ были славны и непріятелямъ ужасны, доколѢ въ чужія дѢла не мѢшаясь, свои отъ завидующихъ щастливому оныхъ теченію, храбростію и разумомъ защищали. Но коль скоро возжелали налагать другимъ народамъ жестокіе уставы, когда сами ослабѢвая, другія Государства принимали въ свое защищеніе; тогда мало по малу къ собственному приближались нещастію,

щастїю, и на конецъ были въ оное вѣржены и погружены. Владыкамъ должно быть искуснымъ во время мира, ежели желаютъ во брани быть славными и почтенными, и иногда имъ полезно тѣми стезями стремиться къ храму славы и щастїя, которыя имъ означили славные и разумные ихъ предки. Щастїе часто за обыкновенїями въ слѣдъ стремится и часто съ оными вмѣстѣ исчезаетъ.

Коль истинному и прямыми источниками текущему человѣчеству сожалѣнїе есть свойственно и похвально; то я о твоей, нещастный Турокъ, сожалѣя, судьбинѣ, искренно желаю, что бы нещастїя твои тебѣ были полезною для тебя наукою. Ты зрѣлъ уже изъ опытовъ слѣдствїя твоей дерзости, и Россїйскаго оружїя успѣхи. Опыты сами тебѣ доказали, коль тщетно и безчеловѣчно есть губить жизнь безвинную множественныхъ народовъ, не имѣя къ тому никакой справедливой причины. Прибѣгни лучше къ великому

нашей Монархини человѣколюбію; покорись судьбинѣ и ЕЙ, признай собственную вину, и повѣрь, что тѣмъ единственно ЕЕ побѣдить можешь. ОНА толико кротка и милосерда, что на вѣрно и о твоемъ сожалѣетъ нещастіи. Но когда ты мечемъ противу НЕЕ безъ всякой справедливой причины вооружиться осмѣлился, когда принялъ дерзкое и человѣчеству противное намѣреніе безвинную ЕЯ подданныхъ проливать кровь; то не должна-ли ОНА была предупредить всѣми способами, человѣчеству ужасныя намѣренія твоего слѣдствія? Чемъ же инымъ можно тебя, никакихъ разумныхъ представленій не пріемлющаго, укротить, кромѣ силы оружія, которымъ у тебя всѣ дѣла рѣшатся? Когда же свойство несправедливаго твоего дѣла, для тебя весьма печальное имѣло рѣшеніе; то вини самъ себя злополучный, выша и остерегайся своихъ хитрыхъ и собственной своей пользы ищущихъ совѣтниковъ; обвиняй не меньше ихъ

и

и свое легковѣріе, и предупреждай удары, храбростію Россовъ тебѣ приуготовляемые. Одинъ блескъ Россійскаго оружія тебя такъ устрашилъ, что крѣпости свои, нимало оныхъ не защищая, оставляешь побѣдителю въ дань. Когда же всего Россійскаго лучшаго воинства посреди твоего владѣнія сверкнетъ мечь, подумай, что тогда съ тобою здѣлается? Конечно въ то время и мѣста убѣжища обрѣсти умѣти не будешь. Сей славный мечь, которому всегда несправедливость твоя должна быть покорна, будетъ нашему воинству въ самую внутренность твоихъ земель проводникомъ, и тамъ обрящетъ новыхъ ЕКАТЕРИНѢ рабовъ и новыя земли.

Знай на конецъ, сожалѣнія достойная Порта! что естьли Римъ имѣлъ своихъ Героевъ, между которыми Деціевъ за добродѣтельнѣйшихъ считаетъ; то и мы въ сихъ Деціяхъ недостатка не терпимъ. Въ Римѣ одинъ Декій храбро побѣждалъ Галловъ; а сынъ его всѣ народы, около

рѣки

рѢки Тебра тогда обитавшіе, подъ Римское подвергъ могущество. Нашъ одинъ Децій во время ПЕТРА Великаго устрашилъ Сѣверъ, а сынъ его нынѣ твою Европу приводитъ въ ужасъ: онъ отторгнувъ отъ власти твоей Хотинъ, и всю твою силу отъ онаго отогнавъ, пойдетъ со временемъ по всюду за тобою въ слѣдъ, покроетъ твои нивы своими войсками, и докажетъ тебѣ справедливость Владычицы своей намѣреній. Твой гордый Везыръ медлѣнность его приписавъ робости думалъ что дерзкою своею храбростію весь свѣтъ побѣдить можетъ. Но когда надежда непросвѣщенныхъ людей удачливые имѣетъ успѣхи? Та мѣдлѣность, которую онъ презиралъ, ему нещастіе а нашихъ войскъ Начальнику великую принесла славу. Теперь ты узнала Порта къ вящшему своему нещастію, что мѣдленность иногда бываетъ великаго почтенія достойна. Славнѣйшій почти изъ всѣхъ Римскихъ Героевъ Фабій Кунктаторъ, единый отъ сей благороднѣйшей крови остатокъ

токЪ * не медлѣнностію-ли своею отЪ прозорливости, постоянства и здраваго разсудка раждающеюся, достигЪ имени вЪ родѣ своемЪ славнѣйшаго?

Не всегда смѣлость желаемые имѣетЪ успѣхи. АннибалЪ, сей славный всего Рима ужасЪ, отЪ оной здѣлался

* Фамилія ФабіевЪ вЪ древнемЪ Римѣ всѣхЪ почти фамилій была знатнѣе; они сЪ одними своими служителями, воюя сЪ непріятелемЪ не однажды онаго побѣждали. НаконецЪ вступили вЪ сраженіе сЪ Веїями. Сей народЪ войнами весьма былЪ славенЪ, и когда Галлы овладѣли РимомЪ, тогда Римляне Столицу свою, какЪ свидѣтельствуетЪ ПлутархЪ, пренесли кЪ ВеїямЪ. Всѣ Фабіи поссорясь сЪ Веїями, вступили сЪ многочисленнымЪ ихЪ народомЪ вЪ сраженіе, и всѣ вЪ одинЪ день были побиты, какЪ пишетЪ о томЪ Овидій слѣдующее.

Una dies Fabios ad bellum miserat omnes,
Ad bellum miſsos abſtulit una dies.

ИзЪ всѣй фамиліи упомянутыхЪ ФабіевЪ, остался одинЪ только Фабій, которому было пять мѣсяцовЪ отЪ роду, когда родЪ его воевалЪ сЪ Веїями. ОтЪ него произошелЪ Фабій КунктаторЪ или медлитель называемый, и которому послѣ было дано имя Maximus, или величайшій.

ся нещастнымЪ. Великій АлександрЪ не одинажды испыталЪ сея ГероевЪ страсти противныя слѣдствія, которыя при жизни его не столько были видны, но послѣ кончины сего Героя АнтагонЪ, Деметрій, ЛизимахЪ, СелевкЪ и Птоломей злословили Предка своего славу. КарлЪ XII. неумѣренною смѣлостію, на вѣки, можетЪ статься, Государство свое вЪ такое привелЪ состояніе, кЪ какомЪ оно нынѣ находится.

Но нашЪ Децій Фабію Кунктатору послѣдовавшій лучше разсудилЪ за благо мѣдлить, что бы послѣ вдругЪ стремиться, нежели сЪ начала лѣтеть, что бы на конецЪ быть остановленну. ОнЪ прозорливостію своею узнавЪ, что гордый СултанЪ смѣлому и предпріимчивому своему Везыру повелѣлЪ, или умерѣть или побѣдить, пренесся сЪ своими войсками назадЪ за ДнестрЪ для того, что бы показать непріятелю видЪ, какЪ будто бѣгства и тѣмЪ возбудить вЪ немЪ вящшее желаніе кЪ исполненію СултанскихЪ

прика-

приказовъ. Онъ не храбрости его воинства, но того, чтобъ они не пришли въ робость, опасался. Цѣлое лѣтно онъ строилъ ему сѣти и устроивъ, опасался, чтобъ робость отъ сихъ разумныхъ его сѣтей не удалила непріятеля. Извѣстно ему здѣлалось изъ опытовъ искуство противнаго воинства Одинъ Капитанъ Артиллеріи Карауловъ громомъ нѣсколькихъ пушекъ могъ остановить ихъ дерзость такъ, что послѣ сего они на Россійскія войска наступать не смѣли, и всегда больше старались учиться оборонѣ, нежели нападеніямъ. Всѣ сіи опыты и разсужденія отворили нашему Предводителю путь къ славѣ и удачамъ. Непріятель непонявшій его намѣреній, яко разъяренный левъ съ ревомъ за нимъ въ погоню стремится, испытываетъ своего щастія, употребляетъ всю свою дерзость и силы; но яко морскія волны о брега́ высокихъ при морѣ находящихся скалъ разломясь, отъ оныхъ съ шумомъ поспѣшно удаляются; такъ сей дерзост-

ный

ный непріятель бѣжитъ отъ Днѣпра, отъ Хотина и отъ своихъ лагеревъ, утративъ храбрость, разсудокъ и множество своего народа. Россіяне въ погоню за ними стремятся и вездѣ находятъ порабощеннаго непріятеля, и вѣчную свою славу. Прутъ и Дунай изъ Турецкой области подъ Россійскую власть скоро преліются, и естьли гордый Султанъ за ранѣе не опомнится, то можетъ статься Тигръ и Евфратъ къ ЕКАТЕРИНѢ потекутъ въ подданство.

А вы подъ храбрымъ симъ Предводителемъ находящіяся храбрыя войска славу и честь нашего Отечества въ нынѣшнемъ вѣкѣ не однажды умножившія; вы мужественные намѣреній нашей Монархини въ дѣйство производители; вы щастливѣйшіе отечества сыны! не ободреніе, но благодарность съ радостію соединенную, отъ меня за ваши геройскіе подвиги примите. Не Риторское краснорѣчіе, не слабыя Авторовъ пера васъ къ храбрости побуждали; имя Великой нашей Государыни поводомъ

водомъ служило вамъ къ побѣдѣ надъ гордымъ непріятелемъ. Вы ЕЯ кротость и разумныя повелѣнія всегда съ собою имѣете. Польза ЕЯ Государства на васъ основана, границы отъ васъ требуютъ подпоры, храбрость ваша всему сему соотвѣтствуетъ, Предводители ваши мужественны и искусны; Богъ справедливости зритель и любитель съ вами; чегоже еще вамъ недостаетъ? Дерзайте на все; *и попрете Лъва и Василиска, такъ, что и волосъ съ главы вашей не спадетъ*. Ничего похвальнѣе и славнѣе нѣтъ, какъ тратить жизнь ради пользы Отечества. Каждый изъ васъ защитникомъ онаго назваться можетъ; и когда вы оружіемъ храбро славу нашего Отечества разпространяете, тогда я слабымъ моимъ перомъ достаточныхъ похвалъ вашему оружїю и вамъ приписать не могу. Колико есть разная моя съ вашею участь! Признаюсь, что я щастїю вашему удивляясь, завидую.

КОНЕЦЪ.